

КОГДА И КАК СКЛАДЫВАЛИСЬ СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Сейчас едва ли не каждый знает, что в наших населенных пунктах и в их окрестностях сохранилось немало памятников русской истории. На стенах древних зданий мы видим таблички с указанием, что это памятники архитектуры, охраняющиеся государством. В краеведческих музеях можно осмотреть оружие, украшения, сосуды, найденные при раскопках древних городов, курганов и городищ. Изображения предметов старины помещены в учебниках. Но так было не всегда. Еще 1,5—2 столетия назад вопрос о памятниках русской истории стоял иначе. Многие вообще сомневались в том, что такие памятники существуют. Другие, предполагая, что они есть, не могли сказать, где же именно они находятся. Остатки старины не были ни выявлены, ни учтены, ни описаны; раскопки еще не развернулись; реставрация древних зданий не проводилась; музей не существовало.

В древнерусских летописях не раз говорится о курганах, насыпанных над могилами князей¹. В письменных источниках встречаются упоминания о городищах, наскальных рисунках, каменных изваяниях, следах древних горных разработок. Однако время создания, научная ценность этих древностей и их связь с событиями русской истории оставались для авторов неясными. Только с XVIII в экспедиции Академии наук занялись целенаправленным изучением России. При этом большое внимание уделялось памятникам старины. Начались раскопки. В книгах появились рисунки древностей — первые археологические публикации. Но все экспедиции работали на окраинах России — в Сибири, на Кавказе и т. д. Центральные же районы страны, где должны были сохраниться памятники, непо-

¹ См. М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 1. М.-Л. 1958, стр. 12—14.

средственно связанные с прошлым русского народа, специально не изучались и не описывались². Показательно, что, когда в 1740 г. В. Н. Татищев решил подобрать иллюстрации к своей «Истории Российской», он смог назвать лишь «некоторых древних строений чертежи: города Болгар, Сарай и на Дону разоренные, где еще многие руины, памяти достойные находятся», столп в Билярске, церкви во Владимире и Юрьеве³. Большинство этих памятников прямого отношения к русской истории не имеет.

Прошло три четверти столетия. В 1817 г. акад. Ф. П. Аделунг выступил с «предложением об учреждении русского национального музея». Состоять он должен был из «статуй татарских и монгольских, порубежных камней, надписей, печатей, утварей и пр.». В дальнейшем изложении упоминались греческие и римские скульптуры⁴. И здесь, следовательно, речь шла главным образом об остатках старины, найденных в пределах России, но не о русских памятниках в узком смысле слова. Начинания Татищева и Аделунга свидетельствуют о возникшей в XVIII — начале XIX в. потребности выявить памятники национальной истории. В 1783—1784 гг. был осуществлен выпуск «исторической серии медалей». На них изображены крепости Изборска и Ладоги, курганы Синеуса, Трувора, Олега, Игоря и Ярополка⁵. Эта работа не сопровождалась какими-либо изысканиями для проверки летописных известий либо местных легенд о том, что такой-то курган действительно насыпан над прахом такого-то князя. Но, хотя изображения на медалях и представляют собой плод фантазии художника, впервые русские исторические памятники были сочтены заслуживающими увековечения.

Наиболее серьезным и широким был план описания отечественных древностей, выдвинутый в 1775 г. Н. И. Новиковым. Вслед за «Русской исторической вивлиофикой» он хотел выпустить «Сокровище российских древностей» в восьми частях по 15 печатных листов каждая, содержащих описание «соборов, церквей, монастырей, что в них до-

стопримечательного», а также древних гербов, монет и т. д.⁶. Замысел осуществлен не был. Исторические издания Новикова не находили подписчиков. Кроме того, помешал Новикову запрет со стороны церкви⁷.

Что примечательного в замысле Новикова? Он явно обусловлен общими установками просветителя, боровшегося с галломанией и выступавшего с патриотической проповедью. В 1784 г. Новиков писал: «Надо прежде узнать свое отечество. Россиянин должен вникнуть в древний вкус многих старинных кремлевских строений, прежде нежели рассматривать станет луврскую колоннаду... Не должно спрашивать у иностранцев об их достопамятностях, если не можем рассказать им о своей земле»⁸. За год до того, как был выдвинут проект «Сокровища российских древностей», в сатирическом журнале «Кошелек» Новиков поместил «Письмо к издателю» собственного сочинения. Автору письма претит интерес к русской старине: «Скажите мне, были ли в России науки и искусства, чем все просвещенные народы славятся?.. Во всех частях наук, искусств и просвещения были ли великие люди? Никак». Общее представление о русской истории этот корреспондент «Кошелек» получил из французских книг (узнав оттуда, в частности, что татарское иго сверг Иван Грозный!), хотя и слышал, что есть какой-то «Синописис», который читают купцы да уездные дворяне⁹. С такими-то людьми, как воображаемый сочинитель письма, — дворянами, бывавшими за границей, читавшими французские книги, но не знавшими ни своей страны, ни ее истории, и спорил Новиков, стремясь противопоставить им обстоятельный рассказ о прошлом России и ее культурном наследии.

В отличие от татищевского списка памятников центр тяжести у Новикова перенесен с археологических объектов на древности, сосредоточенные в церквях и монастырях. Как известно, именно там, в уцелевших от пожаров старинных каменных постройках, сохранялись фрески, иконы, произведения

⁶ Письма А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова к Г. В. Козицкому. «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым». Т. 4. 1862. «Смесь», стр. 46.

⁷ «Дневник И. М. Снегирева». Ч. 1. М. 1904, стр. 299.

⁸ «Общие примечания о путешествиях» («Покоящийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением «Вечерней Зари». Ч. II. 1784, стр. 128).

⁹ «Сатирические журналы Н. И. Новикова». М.-Л. 1951, стр. 491—493.

² Подробнее см. А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М. 1961, стр. 31—39.

³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л. 1961, стр. 230.

⁴ Ф. П. Аделунг. Предложение об учреждении русского национального музея. «Сын Отечества», 1817, ч. 37, № XIV, стр. 63.

⁵ В. П. Смирнов. Описание русских медалей. СПб. 1908, стр. 27—58.

прикладного искусства и рукописи. Это привлекало к монастырям внимание пытливых людей, интересовавшихся историей. Еще в 1722 г., когда Синод распорядился снять с икон привески и монеты и употребить эти не принятые в православном культе украшения на изготовление церковной утвари, Петр I повелел послать в те районы, «которые не были в московское разорение за поляки... знающих людей, дабы то пересмотрели, что гораздо старое и курioзное»¹⁰.

Проект Новикова по обследованию монастырей и описанию хранящихся там памятников старины предвосхищал археографическую экспедицию АН во главе с П. М. Строевым, проведенную в 1829—1832 гг., и предшествовавшие ей поездки П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича 1817—1818 гг., но с тем отличием, что основное внимание обращалось не на письменные, а на вещественные памятники. Известно, что с Н. И. Новиковым и его кругом был связан В. И. Баженов, которому принадлежит одна из самых ранних характеристик старомосковской архитектуры¹¹. В 1773 г., то есть примерно тогда же, когда возник проект Новикова, в «Слове, говоренном перед народом... на день заложения императорского Кремлевского дворца», Баженов назвал выдающимися произведениями зодчества такие здания, как Меншикова башня, колокольня Новодевичьего монастыря, церкви Успения на Покровке, Никола Большой крест, Ивана Воина, Кадашевская и др. Эта речь была напечатана как раз Новиковым. Есть сведения, что Баженов хотел издать альбом, посвященный памятникам русской архитектуры, но осуществить этот замысел не удалось¹². Тот факт, что проекты Новикова и Баженова воплотились в жизнь лишь в XIX в., не случаен. Оба замечательных деятеля XVIII столетия опередили свою эпоху. Нужно было, чтобы предварительно поднялось на новый уровень все русское общество.

Как на человека, проводившего в жизнь в первой трети XIX в. новиковский замысел изучения древностей, сосредоточенных в монастырях, можно указать на другого участника кружка Новикова, члена Российской академии Евгения (Ефима Алексеевича)

¹⁰ «Полное собрание законов Российской империи» (1 собр.). Т. VI, № 3975.

¹¹ Н. А. Янчук. Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов и его отношение к масонству. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1916, декабрь.

¹² А. И. Михайлов. Баженов. М. 1951, стр. 324, 334.

Болховитинова. Начиная свою деятельность с перевода «Описания жизни древних философов», Болховитинов стал впоследствии видным церковным деятелем, оставаясь в жизни человеком с сугубо светскими интересами, литературными и историческими¹³. На протяжении почти полувека он сменил несколько церковных кафедр (1804—1808 гг. в Новгороде, 1808—1813 гг. в Вологде, 1813—1816 гг. в Калуге, 1816—1822 гг. в Пскове, 1822—1837 гг. в Киеве), всюду кропотливо собирал сведения о древностях и публиковал статьи и книги о них¹⁴. В его работах нет глубоких идей, обобщений и исторической критики, это добросовестные описания памятников и каталоги древностей, хранившихся в церквях и монастырях. Составление подобных обзоров было тогда первоочередной задачей, поскольку прежде всего надо было показать читателям, что памятники русской истории существуют, а затем уже объяснять, где и как их искать.

В период пребывания в Киеве Болховитинов способствовал организации раскопок города, широко развернувшихся в 1820-е—1830-е годы. В 1824 г. были открыты остатки Десятинной церкви, в 1832—1834 гг. — руины Золотых ворот¹⁵. То был первый опыт раскопок средневекового города в России (позднее начались раскопки Херсонеса и Сарая). Руководил раскопками К. А. Лохвицкий, «чиновник 5-го класса» без какой-либо специальной подготовки, но в прошлом член новиковского кружка¹⁶. Раскопки дали ценные результаты. Руины Золотых ворот с тех пор охраняются в Киеве как одна из главных достопримечательностей города. Многочисленные вещевые находки в 1837 г. были собраны в Музее древностей при Киевском университете¹⁷. Ранее в России имелось лишь несколько археологических музеев. Они были посвящены античным памятникам Северного Причерноморья. Русские

¹³ См. Е. Ф. Шмурло. Митрополит Евгений как ученый. СПб. 1888.

¹⁴ Евгений И. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М. 1808; его же. Описание Иоанно-Предтеченского монастыря. Дерпт. 1821; его же. Описание Киево-Софийского собора. Киев. 1822; его же. Описание Киево-Печерской лавры. Киев. 1826; его же. История княжества Псковского. Киев. 1831.

¹⁵ См. ЖМНП, 1836, ноябрь, стр. 261—279.

¹⁶ Ф. Терновский. Материалы для истории мистицизма в России (записки К. А. Лохвицкого). «Труды Киевской духовной академии». Т. 3. 1863, № 10, стр. 172.

¹⁷ См. ЖМНП, 1838, апрель, стр. 77—89.

же древности выставлялись впервые, причем ход раскопок в Киеве ежегодно освещался в печати¹⁸.

В 1809—1810 гг. поездку по России для ознакомления с памятниками истории совершили почетный член АН К. М. Бороздин, художник Д. И. Иванов и археограф А. И. Ермолаев. Экспедиция посетила Ладогу, Тихвин, Устюжну, Череповец, Белозерск, Вологду, Киев, Чернигов, Любеч, Остер, Нежин, Елец, Курск, Боровск, Тулу. Было сделано много зарисовок древних зданий и предметов старины. Бороздин не раз сталкивался с полным непониманием задач экспедиции: «Его где принимали за шпиона, где за чудака,.. а где и за статского советника»¹⁹. В Кирилло-Белозерском монастыре Бороздин увидел груды рукописей, сваленные в башне и обреченные на сожжение. Из этой груды он вынул «Синодик Ивана Грозного». В другом монастыре он обратил внимание на старинные надгробия, снятые с могил и выложенные в виде дорожки к собору. Бороздин просил настоятеля перенести надгробия на первоначальные места, обещая богатый вклад от потомков погребенных. На обратном пути он не поленился заехать в обитель: надгробия лежали там же, но надписи на них были старательно выскоблены²⁰.

Для характеристики эпохи показательна судьба «Записки о достопамятностях Московских» Н. М. Карамзина. Составленная в 1817 г. для императрицы, она не предназначалась для широкого распространения. Но интерес к древним зданиям Москвы, только что оправившейся от наполеоновского нашествия, был столь велик, что сочинение распространялось в списках. Один из них без ведома автора был доставлен В. Н. Карамзиным в харьковский журнал, где и был напечатан²¹. Карамзин, тоже начинавший свою деятельность в кружке Новикова, сыграл большую роль в росте интереса широкой публики к национальному прошлому. Его «История государства Российского»

пользовалась колоссальным успехом. Если у Новикова исторические издания имели десятки подписчиков, то у Карамзина подписчиков были тысячи, притом не только в дворянской, но и в купеческой и даже крестьянской среде. Сам Карамзин вещественные памятники русского прошлого знал плохо, и в его «Истории» они упоминаются редко²². В «Записке о достопамятностях Московских» имелось немало ошибок, тогда же отмеченных М. Т. Каченовским²³. Но по дороге, проложенной Карамзиным, двинулись другие ученые, любители старины и популяризаторы.

Ученый следующего поколения Н. И. Надеждин в рецензии на книгу И. П. Сахарова «Достопамятности Венева монастыря» уже четко формулировал, что «для истории иногда целые свитки маловажнее одного простого кургана, говорящего часто звучнее и понятнее иной летописи»²⁴. Популярный историко-археологический журнал П. П. Свиньина «Отчужденные записки», вышедший в 1818—1830 гг., поместил очерки о памятниках Киева, Новгорода, Пскова, Владимира, Смоленска, Изборска, Чернигова, Вышгорода, Нижнего Новгорода. Рассказывалось здесь и об археологических находках: о раскопках К. А. Лохвицкого в Киеве, о кладях, обнаруженных в Старой Рязани в 1822 г., у Михайловского монастыря в Киеве и т. д. Журнал пользовался успехом у читателей. На те же годы падает упомянутое выше предложение Ф. П. Аделунга о создании национального музея. В 1830 г. по инициативе президента Академии художеств и почетного члена АН А. Н. Оленина началась подготовка монументального издания «Древности Российского государства», для которого в течение ряда лет художник Ф. Г. Солнцев рисовал в Москве, Киеве, Новгороде древнюю утварь, оружие и одежду. Увидело свет это издание в 1846—1853 годах.

Итак, в первой половине XIX в. начинания Новикова проводятся в жизнь. Но идеи иного рода были еще живы в полной мере. «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?» — писал К. Н. Батюшков в 1810 г. в связи с

¹⁸ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 34—44.

¹⁹ К. Н. Батюшков. Соч., т. III. СПб. 1886, стр. 38.

²⁰ Д. В. Поленов. Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг. «Труды» I Археологического съезда. Т. I. 1871, стр. 72—73.

²¹ «Украинский вестник» (Харьков), 1818, ч. X, май, стр. 121—143; июнь, стр. 245—253.

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб. 1818, стр. 67, 68, 214; «Примечания», стр. 47, 119, 174, 175 (все это — упоминания об античных или сибирских древностях).

²³ «К господину издателю «Украинского вестника» («Вестник Европы», 1818, ч. С, № 13, стр. 39—51).

²⁴ «Телескоп», 1831, № 11, стр. 383.

работами К. М. Бороздина²⁵. «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного памятника, который говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно», — восклицал П. Я. Чаадаев в «Философических письмах»²⁶. «Никакое почитание, никакая реликвия не в состоянии остановить нас. Что же касается наших памятников, то их придумали, основываясь на убеждении, что в порядочном государстве должны быть свои памятники»²⁷, — читаем у А. И. Герцена.

Однако эти взгляды с течением времени менялись. В ту пору, когда юный В. Г. Белинский сотрудничал в «Телескопе» Н. И. Надеждина, где были напечатаны «Философические письма» Чаадаева и сам издатель не раз выражал близкое к ним мнение, начинающий критик был с ними солидарен. В 1834 г. он написал, например, рецензию на книгу В. В. Пассека, который утверждал: «Уничтожьте у нас все письменное, что останется тогда от жизни предков? Нет. Одни немые наши памятники не передадут, не объяснят нам событий минувших! Они слишком бедны и новы: древняя Россия не завестила нам почти ничего зодчественного»²⁸. Весьма холодно отозвавшись о книге, Белинский в этом вопросе согласился с автором: «У нас до Петра Великого ничего не могло развиваться, как у народа, который сам не развивался, который мирно прозябал за своими столами дубовыми и скатертями бранными, на своих постелях пуховых»²⁹. Но прошло всего 4 года, и Белинский уже удивлялся тем, кто не замечал русских исторических памятников: «Не говорите, что у нас нет памятников, что знаменитейшие события нашей истории записаны только на сухих страницах летописей, но не переданы памяти потомков в произведениях искусства. Скорее можно сказать, что мы не там ищем этих памятников, где бы следовало искать; они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет заметить их»³⁰.

Так, буквально на глазах менялось отно-

шение к проблеме русских исторических памятников в середине XIX века. Кому же обязано общество этими переменами? Существует мнение, что рост интереса к памятникам истории был вызван «охранительной политикой» Николая I. С. А. Жебелев писал об этом даже в советское время³¹. Действительно, издание «Древностей Российского государства» рассматривалось царем как важное правительственное мероприятие (отсюда и слова Герцена — о выдуманных памятниках). Но есть и другие факты. Л. В. Дубельт доносил царю в 1845 г.: «Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранности памятников древности... Не кроется ли под их патристическими возгласами целей, противных нашему правительству?»³². Царь и его окружение лишь демонстрировали свою любовь к национальным реликвиям, но отнюдь не одобряли интереса к ним со стороны общества. Но тогда, может быть, действительно интерес к русским памятникам был пробужден славянофилами? И это не так. В сочинениях славянофила И. В. Киреевского есть высказывания, почти тождественные со словами западника Чаадаева: культура на Руси была так мало развита, что и памятников искусства у нас нет³³. Характерен образ славянофила Ивана Васильевича в повести В. А. Соллогуба «Тарантас». Рассказывая о поисках своего жизненного пути, этот герой говорит: «Хватился я сперва за древности — древностей нет»³⁴.

Возросший интерес к памятникам русской истории связан с более широкими слоями общества, нежели кружок славянофилов, с общественным подъемом после Отечественной войны 1812 г., с движением декабристов. Показательны слова декабриста Н. А. Бестужева из его письма к брату в 1836 г.: «Жаль, что ты не сказал нам ничего о своих впечатлениях от Новгорода. Это замечательная столица древней северной Руси, и развалины ее не меньше пальмирских должны быть интересны для каждого русского, который любит свою историю»³⁵. В 1825 г. А. С. Грибоедов с восторгом писал о посе-

³¹ С. А. Жебелев. Введение в археологию. Ч. I. Пгг. 1923, стр. 101—105.

³² М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1909, стр. 217.

³³ И. В. Киреевский. Полн. собр. соч. Т. I. М. 1911, стр. 118, 215.

³⁴ В. А. Соллогуб. Повести и рассказы. М.-Л. 1962, стр. 199.

³⁵ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.-Л. 1933, стр. 253.

²⁵ К. Н. Б а т ю ш к о в. Соч. Т. III, стр. 87.

²⁶ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева». Т. II. М. 1914, стр. 111.

²⁷ А. И. Г е р ц е н. Собр. соч. Т. XX, кн. I. М. 1960, стр. 62.

²⁸ «Путевые записки Вадима». М. 1834, стр. 221.

²⁹ В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч. Т. I. М.-Л. 1953, стр. 152.

³⁰ Там же. Т. III. 1953, стр. 134, 135.

щении Киева, где он погрузился в изучение памятников старины³⁶ (в этот момент К. А. Лохвицкий уже вел раскопки в городе). Вспомним также строки пушкинского «Путешествия Онегина» (1830 г.):

Он видит Новгород Великий.
Смирнулись площади. Среди них
Мятежный колокол утих.
Не бродят тени великанов...³⁷

Не так-то просто было сразу отрешиться от старых взглядов на культурное наследие Руси. Предстояла еще огромная работа, прежде всего ученых: историков, археологов, исследователей средневековой архитектуры и живописи, реставраторов, чтобы очистить памятники русского зодчества от позднейших перестроек, освободить фрески и иконы от записей, скрывших их изначальные черты, вернуть им первоначальный вид. Но начало этой работе к середине XIX в. было уже положено, было признано, что у нас сохранилось много памятников русской истории, и делались их описания, совершались первые поездки для ознакомления с этими памятниками.

Если нелегко было распознать произведения зодчества и свидетелей былых веков в перестроенных древних церквях и монастырях, то с археологией дело обстояло еще сложнее. Казалось бы, всем ясно, что городища, сохранившиеся на береговых мысах рек, — это следы укрепленных поселков, а курганы — древние могилы. Но и это сперва надо было доказать. Первый, кто в 1820-е годы занялся сбором сведений о городищах, — Зорнан Ходаковский (псевдоним Адама Чарноцкого). Он видел в них древние святилища³⁸. О курганах Южной России Ю. И. Венелин писал в 1830 г., что это «мнимые могилы», скорее всего жилища кочевников-татар и угров³⁹. Акад. П. И. Кеппен разбирал мнение о том, что курганы — это сторожевые вышки и насыпи, с которых караулы следили за передвижениями татар и казаков⁴⁰. Ходаковский и Кеппен проделали, каждый в своей области, примерно та-

кую же работу, какую провел в изучении памятников архитектуры, искусства и быта Е. Болховитинов. Так, Ходаковский составил каталог и карту городищ России, Кеппен опубликовал списки курганов.

Начало деятельности Ходаковского относится к 1810-м годам (в 1818 г. вышла его первая программная статья «О славянстве до христианства») и протекало в польской среде. Но наиболее плодотворными для него были 1820—1821 гг., когда он приехал в Петербург и смог совершить археологическую экспедицию в Новгородскую округу. Там он провел первые раскопки славянских курганов и городищ. То, что пионером в исследовании славянских древностей оказался польский ученый, не случайно. В тот период целая плеяда деятелей польской культуры вдохновлялась идеей, сформулированной в 1800-е годы Иоахимом Лелевелем, тогда еще студентом: «Наша родина лежит в могиле. Мы... должны трудиться над тем, чтобы сбросить наваленный над нею холм и извлечь лежащий под ним пепел Феникса — нашего отечества»⁴¹. Интересы польской культуры были тогда в немалой мере обращены в прошлое, русской же — прежде всего в будущее. Но русская интеллигенция пристально следила за открытиями и идеями польских ученых. Все основные труды Я. Потоцкого, И. Раковецкого, В. Суравецкого, И. Лелевеля вскоре после их выхода в свет переводились на русский язык. Сразу были изданы в России и статьи Ходаковского⁴². С другой стороны, существенно, что его мысль об исследовании городищ для объяснения древней русской истории нашла подготовленную почву. Выяснилось, что независимо от Ходаковского городищами интересовались многие русские любители старины: издатель журналов М. Н. Макаров, литератор А. Г. Глаголев, просвещенный магнат В. Н. Каразин, митрополит Евгений, никому не ведомый провинциальный дворянин А. Бояркин и другие. Их сообщения о городищах пополнили картотеку Ходаковского, и она должна рассматриваться как коллективный труд многих авторов, в основном русских⁴³. Необходимое уточнение в интерпретации городищ внес русский историк член-корр. АН К. Ф. Калайдович. По-

³⁶ А. С. Грибоедов. Соч. Л. 1945, стр. 483.

³⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VI. М.-Л. 1937, стр. 476—477.

³⁸ Z. Chodakowski. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Warszawa. 1966, str. 50.

³⁹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III. СПб. 1890, стр. 137.

⁴⁰ П. И. Кеппен. О курганах. «Известия» Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1908, № 42, стр. 6.

⁴¹ С. Кеневич. Лелевель. М. 1970, стр. 10, 11.

⁴² В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX столетия. Прага. 1906, стр. 56, 60, 202, 290.

⁴³ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 62—64.

сле обследования Старой Рязани в 1822 г. он доказал, что городища — это остатки укрепленных поселков, а не руины древних святилищ⁴⁴.

Список курганов России был завершен П. И. Кеппеном в 1836 г., но начат, как и работа Ходаковского, в 1818 году. Впервые он обратил внимание на курганы при поездках по России по заданию канцлера Н. П. Румянцева. Кеппен не только составил список курганов, но и доказал, что это не следы жилищ и не сторожевые башни, а насыпи над могилами. Этот вывод был обоснован данными о немногих раскопанных к тому времени русских курганов, материалами о курганах за рубежом и, наконец, сведениями древних и средневековых авторов о сооружении земляных надгробий⁴⁵. Помимо того, Кеппен выпустил брошюру, где дал обзор разнообразных объ-

ектов — археологических, эпиграфических и т. д.⁴⁶. Интересно, что и Ходаковский⁴⁷ и Кеппен⁴⁸ прибегали при своей работе к консультациям с Е. Болховитиновым. Ходаковский специально заехал в Псков по дороге из Польши в Петербург и обсудил с Болховитиновым замысел археологической экспедиции по России. Налицо определенная преемственность в развитии складывавшейся науки о русских древностях — от планов Новикова и участников его кружка до исследований ученых, вплотную занявшихся этими памятниками в 1810-е—1820-е годы.

Эти годы можно считать временем сложения славяно-русской археологии и науки о культурном наследии Руси. Тогда начались раскопки славянских курганов и городищ, появились исследования о них в печати, были составлены каталоги памятников, начат их учет.

А. А. Формозов

⁴⁴ К. Ф. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М. 1823.

⁴⁵ «Список известнейшим курганам в России» («Северная пчела», 1837, №№ 1—3). Посмертно изданы дополнения: «О курганах». Предварительное разыскание Петра Кеппена. «Известия» Таврической ученой архивной комиссии, 1908, № 42; «Список курганов, составленный акад. П. И. Кеппеном». Там же.

⁴⁶ П. И. Кеппен. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. СПб. 1822.

⁴⁷ «Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу» («Русский архив», 1889, № 6, стр. 209); В. А. Францев. Указ. соч., стр. 351.

⁴⁸ См. «Записки» Одесского общества истории и древностей, 1872, т. VIII, стр. 404—411.